

Гюнтер К.

**Цейлон : введение в мир
тропиков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г99

Г99 **Гюнтер К.**
Цейлон : введение в мир тропиков / Гюнтер К. – М.: Книга по Требованию,
2013. – 374 с.

ISBN 978-5-458-09739-0

Со 129 рисунками в тексте и картой Цейлона. Перевод Наталии Холодковской, С 129 рисунками в тексте и картой Цейлона. В своей книге о Цейлоне, Конрад Гюнтер, - молодой немецкий ученый, живо и увлекательно описывает этот чудесный остров и свои впечатления о нем, притом не только с точки зрения натуралиста, но и как разносторонне образованный путешественник, которому "ничто человеческое не чуждо". Он сообщает также и ряд практических сведений, которые могут пригодиться путешественникам, отправляющимся на Цейлон.

ISBN 978-5-458-09739-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Авторъ предлагаемой книги, Конрадъ Гюнтеръ,—молодой нѣмецкій ученый, отчасти уже извѣстный русской читающей публикѣ по его замѣчательному труду „Происхожденіе и развитіе человѣка“, появившемуся въ русскомъ переводѣ въ 1909 году. Въ своей книгѣ о Цейлонѣ онъ живо и увлекательно описываетъ этотъ чудный островъ и свои впечатлѣнія о немъ, притомъ не только съ точки зрѣнія натуралиста, но и вообще какъ разносторонне образованный путешественникъ, которому „ничто человѣческое не чуждо“. Онъ сообщаетъ также и рядъ практическихъ свѣдѣній, которыя могутъ очень пригодиться для лицъ, отправляющихся на Цейлонъ, что въ новѣйшее время случается все чаще и чаще благодаря удобному сообщенію съ этимъ островомъ, вообще представляющимъ наиболѣе благопріятныя условія для перваго ознакомленія съ тропическимъ міромъ. Поэтому авторъ совершенно правильно называетъ свою книгу „введеніемъ въ міръ тропиковъ“. Книга богато иллюстрирована полиטיפажами, сдѣланными по фотографическимъ снимкамъ автора; въ русскомъ изданіи добавленъ еще рядъ рисунковъ, взятыхъ изъ другихъ сочиненій, трактующихъ о Цейлонѣ. Такъ рисунки 16, 19, 24, 39, 61, 76, 79, 90 и 108 взяты изъ знаменитыхъ „Индійскихъ писемъ“ Эрнста Геккеля; пейзажи, изображенные на этихъ рисункахъ, сдѣланы по акварелямъ самого Геккеля, который хорошо извѣстенъ не только какъ натуралистъ и популя-

ризаторъ, но и какъ отличный рисовальщикъ-художникъ, чему доказательствомъ служитъ его сочиненіе „Kunstformen der Natur“, имѣющееся и на русскомъ языкѣ („Красота формъ въ природѣ“). Заимствование этихъ рисунковъ изъ книги уже старой и не появившейся въ переводѣ на русскій языкъ, конечно, не нарушаетъ ничьихъ интересовъ и, надѣмся, составляетъ хорошее прибавленіе къ иллюстраціи предлагаемаго изданія. Другіе рисунки (5, 10, 20, 83, 91, 92, 95, 96, 97, 101, 102, 109, 110, 113 и 118), этнографическаго характера, взяты изъ прекрасной книги о Цейлонѣ извѣстнаго нѣмецкаго этнографа Эмиля Шмидта.

Что касается текста перевода, то въ немъ не сдѣлано никакихъ прибавленій (кромѣ двухъ-трехъ указаній въ литературѣ о Цейлонѣ) и выпущены немногія подробности, имѣющія интересъ только для нѣмецкаго читателя.

Надѣмся, что книжка эта прочтется съ интересомъ и будетъ въ легкой и цѣлесообразной формѣ содѣйствовать ознакомленію русской читающей публики съ Цейлономъ, въ числѣ почитателей котораго въ послѣднее время все чаще появляются и русскіе.

Редакторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ морѣ.

Громко раздается звукъ парового свистка; корабль нашъ, „Принцъ Людвигъ“, медленно отдѣляется отъ пристани и скользитъ вслѣдъ за влекущимъ его, сильно пыхтящимъ буксиромъ. Взору открывается картина побережья, замыкаемая гордымъ вѣнцомъ генуэзскихъ горъ. Надъ городомъ восходятъ зеленныя высоты, на которыхъ виднѣются сверкающіе на солнцѣ форты, а подъ ними спускается къ морю ослѣпительно-бѣлый величественный городъ, вплоть до гавани, воды которой разсѣкаетъ теперь могучій пароходъ сѣверо-германскаго Ллойда. Вотъ онъ проходитъ между раскрытыми щипцами большого мола; передъ нимъ открывается широкая синяя водная гладь, а на востокъ все болѣе выступаютъ живописныя скалы Порто Фино. Море отдѣляется отъ темнаго мыса бѣлою каймою: это знакъ сильнаго прибоя. И, дѣйствительно, корабль нашъ начинаетъ сильнѣе нырять носомъ. Бинокли безпокойно направляются на горизонтъ: тамъ обрисовывается зубчатая линія, показывающая, что вдали морскія волны становятся еще выше.

Генуэзскій заливъ извѣстенъ сильнымъ волненіемъ, нерѣдко заносащимся сюда изъ Средиземнаго моря. Такъ и на этотъ разъ (4-го ноября) корабль не избѣжалъ изрядной качки. Носъ то нырять, то поднимался вверхъ, и пассажиры, сидя на длинныхъ лежащихъ стульяхъ на палубѣ, могли смотрѣть черезъ него то внизъ, въ пѣнящееся море, то высоко въ небо. Когда онъ опускался, то подъ ложечкой ощущалось непріят-

ное давленіе, а при подъемѣ вверхъ какъ бы невольно противилось все тѣло.

А видѣ пѣнистаго моря былъ все-таки величественъ! По временамъ сбоку корабля поднимался зеленый валъ,—такъ высоко, что надо было поднимать глаза, чтобы видѣть бѣлый гребень пѣны на его вершинѣ. И вдругъ волна всею силою ударялась о бортъ; раздавался короткій трескъ, за нимъ протяжный шумъ—и волна, опрокидываясь, разливалась по палубѣ. То одинъ, то другой изъ путешественниковъ вставалъ и отправлялся, шатаясь и цѣпляясь вокругъ руками, къ лѣстницѣ, ведущей къ каютамъ; и въ самомъ дѣлѣ, для лицъ, подверженныхъ морской болѣзни, самое лучшее—спуститься въ каюту и лечь въ постель, потому что въ горизонтальномъ положеніи, спокойно уложивъ голову, менѣ всего подвергаешься опасности заплатить дань богу моря.

Такъ и я лежалъ въ каютѣ, чтобы избѣжать возможнаго припадка морской болѣзни, то прислушиваясь къ шуму моря, то впадая въ сонъ. Наверху заиграла музыка,—начался обѣдъ; потомъ все снова затихло. Черезъ нѣсколько часовъ, очнувшись, я съ радостью замѣтилъ, что занавѣси постели менѣ отдѣлялись отъ ея краевъ; я рѣшился встать и выйти на палубу.

Море дѣйствительно стало спокойнѣе: высокія горы Корсики сдерживали теперь его зыбь. Черезъ правый бортъ корабля виднѣлись темныя высоты, въ одномъ мѣстѣ усѣянные огоньками: это была Бастія. Глазъ съ удивленіемъ воспринималъ эту сверкающую картину, и я неохотно разстался съ зрѣлищемъ,—но приближалась полночь и сонъ вступалъ въ свои права.

На слѣдующее утро море стало еще спокойнѣе; качки больше не было и съ этихъ поръ въ теченіе восемнадцати дней, вплоть до Коломбо, стояла чудная погода, такъ что все время путешествіе было сплошнымъ наслажденіемъ. Отъ времени до времени встрѣчались намъ острова, отъѣсно возвышавшіеся изъ моря крутыми утесами, а около полудня показалась гора Эпомео на островѣ Искіи. Корабль повернулъ и направился между Искіею и Капри, этими воротами Неаполитанскаго залива, къ сверкающему бѣлому городу, который все яснѣе вырисовывался у подножія Везувія, лежавшаго въ фіолетовой дымкѣ.

Вскорѣ можно было различить мрачный Каstellо дель Уово, а сбоку—великолѣпную набережную съ галереями зоологической станціи въ зеленой рощѣ. Описавъ смѣлую дугу, корабль объѣхалъ заливъ и снова вышелъ въ открытое море между Капри и Сорренто. Затѣмъ, обогнувъ мысъ соррентинскаго полуострова, онъ направился къ югу. Мрачно смотрѣли на темнѣющее море крутыя скалы Позитано, надъ которыми высился Монте Сень-Анджело. Еще одинъ взглядъ на острова Сирентъ,—и зубчатый берегъ полуострова исчезъ изъ глазъ въ равномѣрной полутѣмѣ моря и неба.

Мы шли все дальше на югъ. На слѣдующее утро увидѣли мы Стромболи,—островъ, состоящій изъ одного только конуса дымящагося вулкана, а вдали показался гористый берегъ Сициліи, надъ которымъ возвышалась Этна. Пароходъ спокойно прошелъ между Сциллою и Харибдой: при его силѣ проливъ, который такъ часто приносилъ гибель паруснымъ судамъ грековъ, былъ не страшенъ. Но видно было, что на сушѣ здѣсь недавно свирѣпствовали силы природы. Дома Мессины еще лежали въ развалинахъ и глубокія трещины виднѣлись въ набережной. Лишь послѣ того, какъ городъ исчезъ изъ виду позади корабля, картина острова, озареннаго чуднымъ утреннимъ свѣтомъ, стала болѣе ласковою и постепенно сдѣлалась величественною, когда приблизилась Этна и стали видны всѣ великолѣпныя линіи ея тѣла, увѣнчаннаго бѣлымъ снѣгомъ,—чудная гармонія красокъ на фонѣ хрустально-чистаго свѣтлоглубого неба и темной ультрамариновой синевы моря.

Но слишкомъ скоро эта чудная картина скрылась; погрузилась въ волны и южная оконечность Италіи, и съ этихъ поръ цѣлые дни со всѣхъ сторонъ, куда ни посмотришь, волновалось только море и море. Одинъ только разъ показался высокій, крутой, обрывистый берегъ, нѣжно вырисовывавшійся розовымъ цвѣтомъ на темной морской синевѣ: это былъ Критъ. Послѣ этого въ теченіе еще нѣсколькихъ часовъ на темномъ морѣ сверкали паруса, какъ бѣлые огоньки, давая знать о близости большого острова.

Рано утромъ во вторникъ показался берегъ Африки въ видѣ желтой линіи на горизонтѣ. Все ближе и ближе стано-

вилась эта полоса и скоро можно было уже различить мѣсто входа въ Суэцкій каналъ, на молѣ котораго стоитъ статуя Лессепса. Затѣмъ мы медленно пошли къ Портъ-Саиду. Открылась гавань съ крупными и мелкими судами; у нѣкоторыхъ кораблей сбоку вдоль борта стояли угольные лодки, съ которыхъ непривѣтливныя темныя фигуры, снуя, какъ муравьи, неутомимо таскали ведра съ углемъ.

Первый видъ той части свѣта, къ которой мы стремились еще съ дѣтства, былъ не радостенъ, и самый городъ, при сходѣ на берегъ, не представлялъ ничего хорошаго. Широкая улицы, уставленные безвкусными высокими зданіями въ родѣ тѣхъ, какія можно видѣть въ бѣднѣйшихъ городахъ Италіи, но еще обезображенныя желѣзными сооружениями,—вотъ что окружаетъ путешественника, которому, къ тому же, нѣтъ здѣсь спасенія отъ навязчивыхъ предложеній туземцевъ. Даже арабскій кварталъ мало живописенъ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, можно видѣть хоть отдѣльныя фигуры, радующія глазъ своею стройностью и богатствомъ складокъ одежды. Въ концѣ концовъ я былъ радъ, когда, посѣтивъ, какъ всѣ, лавку Симона Арцта и купивъ тамъ, по освященному обычаю правилу путешественниковъ, хорошій тропическій племъ, а также выпивъ чашку чернаго аравійскаго кофе, сладкаго и горячаго, снова возвратился на корабль, къ которому уже успѣлъ привыкнуть, какъ къ чему-то родному.

Черезъ короткое время пароходъ нашъ отошелъ, чтобы медленно продвинуться сквозь Суэцкій каналъ. Путь то расширялся, то еще сильнѣе суживался. На западѣ взоръ достигалъ, за узкою, зеленою желѣзнодорожною насыпью, широкой водной поверхности Мензалейскаго озера, на востокъ простиралась песчаная пустыня Синайскаго полуострова; солнце опускалось въ сіяющее море желтой вечерней зари, а дальнія горы горѣли розовымъ свѣтомъ заката. Взоръ съ восхищеніемъ слѣдилъ за смѣною гармоническихъ красокъ на небѣ. Востокъ, какъ будто обливался розовымъ моремъ свѣта и окрашивалъ облака, загоравшіяся краснымъ золотомъ; затѣмъ они постепенно блѣднѣли, пока на западѣ не угасъ послѣдній лучъ. Да, это было то великолѣпіе красокъ пустыни, о которомъ грезилось въ дѣтствѣ!

Наконецъ стемнѣло; сквозь ночную тьму блистали лишь огни на берегу и на проходящихъ судахъ. На слѣдующій день стала уже чувствоваться теплота близкаго материка, а лежащимъ на палубѣ пассажирамъ начали надоѣдать мошки. Всѣ радовались, когда на слѣдующее утро, около Суэца, открылось Красное море, сперва въ видѣ узкаго Суэцкаго залива, а затѣмъ, когда изъ глазъ исчезъ величественный Синай,—во всю ширину; однако все время видны были его берега ¹⁾).

О Красномъ морѣ много кричатъ, какъ о самой непріятной части путешествія въ восточную Азію. И на этотъ разъ нѣкоторые изъ пассажировъ находили жару невыносимою. Я никакъ не могъ съ этимъ согласиться. Днемъ сперва дулъ сзади насъ освѣжающій вѣтерокъ, затѣмъ онъ ослабѣлъ, и, черезъ нѣсколько часовъ томительнаго безвѣтрія, во время котораго температура поднялась до 27° R. въ тѣни, повѣялъ встрѣчный бризъ. На палубѣ всегда было сносно, тѣмъ болѣе, что очень мало приходилось двигаться. Только ночью, въ каютѣ, было очень жарко, и я просыпался, купаясь въ поту. Но и это было не настолько плохо, чтобы уничтожить радость путешествія ²⁾).

А самый переѣздъ по Красному морю былъ очень красивъ. Море волновалось темносинею зыбью, прерываемою бѣлыми всплесками пѣны; мѣстами массы низшихъ растений (водорослей) окрашивали воду въ красновато-фіолетовый цвѣтъ,—явленіе, замѣчаемое, впрочемъ, и въ Индійскомъ океанѣ. Окраски этой иной разъ было такъ много, что казалось, будто море облито черничнымъ сокомъ. Встрѣчались корабли и привѣтствовали другъ друга ревомъ сиренъ, какъ громадные морскія чудовища, обмѣнивающіяся неуклюжими благожеланіями. Особенно великолѣпны были картины солнечнаго заката съ яркими оранжевыми и желтыми переливами красокъ, характерными для этихъ мѣстъ. А по ночамъ вдали виднѣлись

¹⁾ Двѣ торчащія изъ моря скалы, называемыя „братьями“, я увидѣлъ лишь на обратномъ пути.

²⁾ На обратномъ пути, въ срединѣ марта, въ Красномъ морѣ было даже настолько свѣжо, что я долженъ былъ надѣть теплое платье и накинуть на себя плащъ.

огни, обозначая собою города на берегу Аравіи,—Ходейду, Мокку и другіе.

Къ выходу изъ Краснаго моря гористые берега съ обѣихъ сторонъ стали сближаться; изъ моря вынырнули голые утесы „двѣнадцати Апостоловъ“; затѣмъ они исчезли и пароходъ спокойно проѣхалъ, мимо острова Перима, въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, черезъ „ворота слѣзъ“. Утромъ въ воскресенье мы остановились въ бухтѣ Адена (рис. 1). Крутые, высокіе утесы обрамляли великолѣпную гавань, являясь какъ бы доломитами моря. Въ водѣ играли вокругъ корабля крупныя и мелкія акулы. Приходили и приставали къ нашему борту пароходики. Вскорѣ часть нашихъ пассажировъ слѣзла на одинъ изъ нихъ и черезъ довольно долгое время, отдавъ дань чисто восточной медлительности, поѣхала къ берегу.

Страна, формы которой издали представлялись такими красивыми, вблизи имѣла достаточно негостепріимный видъ. Вездѣ, куда ни взглянешь,—голый, неприступный камень, обрывы и осыпи. Рѣдко, рѣдко, гдѣ появится какое-нибудь растеніе. У подножья скалъ лежитъ городъ, но это еще не Адень, а его гавань,—немногіе домики, между ними нѣсколько двухъэтажныхъ, съ крытыми верандами: это гостиницы или жилища чиновниковъ.

И все же—какое очарованіе лежало на этомъ каменномъ гнѣздѣ! Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь неподдѣльную жизнь востока,—Портъ Саидъ былъ, вѣдь, только международнымъ складочнымъ мѣстомъ, лишеннымъ всякаго характера. Съ двумя знакомыми я поѣхалъ въ легкой коляскѣ въ самый городъ Адень. Дорога шла сперва по берегу моря. Передъ глазами была или широкая песчаная равнина, или голубая поверхность моря, изъ которой тамъ и сямъ выступали крутые гористые острова. Сотни большихъ бѣлыхъ птицъ, по виду и движеніямъ похожихъ на индюшекъ, тяжело прыгали по песку или купались въ водѣ, распутивъ перья. Это были грифы - стервятники (*Neophron percnopterus*). Я въ первый разъ видѣлъ ихъ на волѣ. Такое большое число крупныхъ хищныхъ птицъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе, потому что въ Европѣ подобныхъ крупныхъ пернатыхъ хищниковъ можно видѣть лишь при особенномъ счастьи и никогда

въ такомъ количествѣ. Время отъ времени онѣ взлетали, избѣгая верховыхъ верблюдовъ, которые тянулись косвенно черезъ берегъ. Эти выючныя животныя бѣжали, раскачиваясь, неся на себѣ вверху скорчившагося всадника, закутаннаго въ бѣлыя одежды; все это было такъ живописно и полно красиваго движенія, что глазъ не могъ оторваться отъ этихъ чуждыхъ ему образовъ.

Но вотъ мы приблизились къ крутому склону горной цѣпи; скалы были похожи на сказочный „берегъ забвенія“.

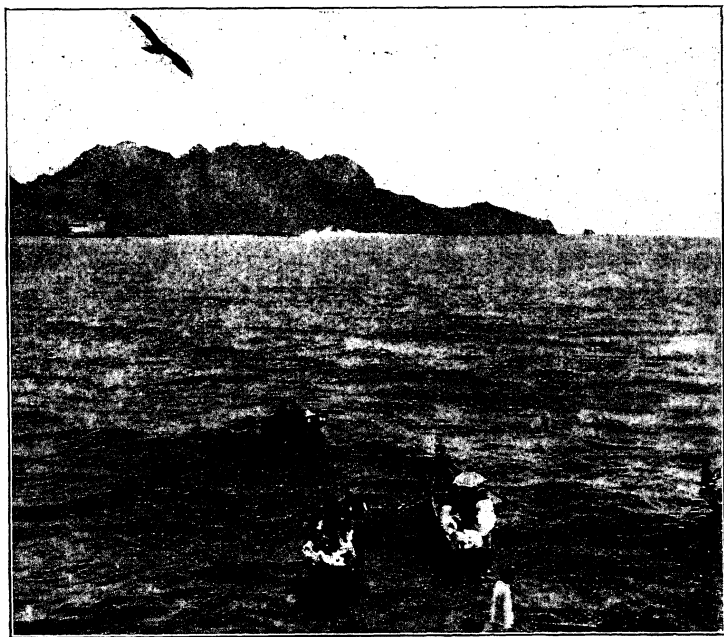

Рис. 1. Бухта Адена; шлюпки съ торговцами страусовыми перьями. Вверху парящій коршунъ.

Зигзагами шла дорога выше и выше; мы достигли высоты перевала, но и далѣе высились горы и дорога извивалась между крутыми стѣнами. Красные утесы поднимались отвѣсно вверхъ, оставляя вверху свободною лишь узкую полосу темноголубого неба. Вдругъ мы услышали какое-то бормотанье и навстрѣчу намъ показался медленный поѣздъ: впереди были носилки съ мертвымъ тѣломъ, закутаннымъ въ бѣлое покрыв-

вало, а за ними рядъ верблюдовъ. Покачиваясь, шли они впередъ, а на нихъ сидѣли, скорчившись, арабы и бормотали молитвы. Это зрѣлище глубоко врѣзалось въ мою память и я какъ сейчасъ вижу его передъ собою: красныя скалы, мрачный поѣздъ, а за ними—голубое небо,—какъ бы картина изъ минувшихъ временъ, въ которыя увлекала меня дѣтская фантазія.

Съ высоты я увидѣлъ широкую, широкую песчаную и каменистую котловину, окруженную крутыми утесами, у подножія которыхъ косвенно поднимались высокія осыпи. Повсюду летали или сидѣли бѣлые стервятники, потому что здѣсь находится „башня молчанія“—общая открытая могила парсовъ, гдѣ тѣла умершихъ пожираются грифами. Такъ какъ парсовъ въ Адентѣ немного, то грифовъ приходится подкармливать, чтобы они не разлетѣлись. Въ серединѣ котловины виднѣлся Адентъ: низкіе одноэтажные дома съ плоскими крышами, грязныя улицы, повсюду арабы въ богатыхъ складками одеждахъ и красавцы сомалійцы. Почти нагіе мальчики этихъ послѣднихъ смѣшались навстрѣчу нашей коляскѣ, доставляя пріятное зрѣлище своимъ кофейно-бурымъ тѣломъ съ прекрасными формами и граціозными движеніями. Съ восторгомъ останавливался взоръ на этихъ благородныхъ формахъ, на гибкихъ, какъ у газелей, сочлененіяхъ и на другихъ красотахъ, которыми славятся сомалійцы. Общій видъ туземцевъ производилъ прекрасное впечатлѣніе, и когда среди этихъ легкихъ фигуръ намъ теперь встрѣтились европейцы (путешественники съ другого корабля), то они показались мнѣ каррикатурами на человѣческій родъ и я чуть не разсмѣялся, увидѣвъ толстыхъ господъ въ болтающихся панталонахъ и дамъ въ громадныхъ модныхъ шляпкахъ и съ неестественно перетянутыми таліями. Какъ хороша была, въ сравненіи съ этою перетяжкой, напоминающею ось, нѣжно-волнистая линія туловища туземцевъ! Мой глазъ такъ быстро привыкъ къ естественному человѣческому тѣлу и естественной одеждѣ, что обычный европейскій нарядъ показался ему вдругъ чѣмъ-то лживымъ, смѣшнымъ, какимъ-то чужимъ тѣломъ, не подходящимъ къ природѣ.

Неподалеку за Аденомъ находятся водоемы—цѣль нашего путешествія. Громадныя каменные бассейны лежатъ между